

Научная статья
УДК В11.512.31`36
DOI 10.18101/2686-7095-2024-4-26-33

ПРЕПОЗИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

© Харанутова Дарима Шагдуровна
доктор филологических наук, доцент
dkharanutova@mail.ru

© Бардамова Екатерина Александровна
доктор филологических наук, доцент
bardam_k@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

Аннотация. В работе поднимается проблема так называемых превербов — препозитивных глагольных языковых единиц — в монгольских языках, в частности бурятском языке. Настоящая статья не претендует на исчерпывающее описание этой достаточно дискуссионной области. Основная цель статьи — рассмотреть имеющиеся взгляды на статус исследуемых элементов в монгольских языках, в частности в бурятском языке, обзор которых обнаруживает наличие неоднозначной позиции по этой проблематике. Высказанные исследователями взгляды разделены на две группы. Согласно первой точке зрения превербы относятся к частям слова: приставкам, префиксоидам, компонентам составного бурятского глагола. Другая точка зрения представлена мнением ряда бурятоведов, полагающих, что эти языковые единицы следует относить к самостоятельным частям речи — наречиям или частицам. Авторы статьи поддерживают мнение исследователей, относящих эту группу единиц к разряду слов-интенсификаторов, основной функцией которых является указание на высокую степень проявления признака или действия. Авторы сочли необходимым высказать свое мнение, что наименование *превербы* наиболее точно отражает функциональную направленность анализируемых элементов, немаловажную роль играет в этом и их препозитивная глагольная позиция. В целом, по мнению авторов, разрешение проблемы превербов лежит не в формальной плоскости, а в области семантики.

Ключевые слова: бурятский язык, препозитивные глагольные языковые единицы, превербы, семантика, функция усиления или ослабления действия, качества или признака.

Для цитирования

Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Препозитивные глагольные языковые единицы бурятского языка // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 4. С. 26–33.

В монгольских языках выделяется особая группа единиц, вопрос о статусе и сущности которых является дискуссионным и на данный момент остается открытым. Их относят к препозитивным глагольным единицам, так как они чаще употребляются с глаголами, многие из них образованы от глаголов. В бурятском

языке эту группу слов образуют слова типа *соо* `насквозь`; *хаха* `разрывающая, раскалывающая`; *хуха* `ломающая поперек, отламывающая`; *хуга* `выдергивающая`; *бута* `вдребезги — о чем-либо таком, что может разлететься на части`; *биза* / *биса* `раздавляющая`; *лаб* `точно`; *тоб* `четко` и др.

Актуальность изучения препозитивных единиц в монгольских языках, в частности в бурятском, не раз получала свое обоснование: к ней обращались В. Л. Котвич, Л. Беше, Г. Д. Санжеев, В. И. Рассадин, Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Б. Х. Тодаева, Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов, В. М. Егодурова и др.

В. И. Рассадин отмечает, что структура, семантика и функционирование этих единиц являются универсальными для всех монгольских языков. Более того, он проводит параллели с сибирскими тюркскими языками и приходит к выводу, что «это своеобразное грамматическое явление <...> носит в тюрко-монгольских языках сугубо ареальный характер, бытуя в наиболее развитом виде в северных монгольских языках и в тесно связанных с ними территориально и исторически сибирских тюркских языках» [15, с. 61].

Между тем в монголоведении существуют разноречивые суждения о об этих препозитивных единицах. Внутри этой проблемы наибольшее количество разнообразных решений и разногласий имеет вопрос: это *части слова* или *слова*, относящиеся к какой-либо части речи?

Основная *цель* данной статьи — рассмотреть взгляды на статус исследуемых элементов в монгольских языках, который предполагает обзор имеющихся точек зрения в монгольских языках, в большей мере в бурятоведении, которое обнаруживает наличие неоднозначной позиции по этой проблематике.

Среди ранних работ, в которых затрагивалась эта проблема, следует назвать работы В. Л. Котвича, который относил их к междометиям [Котвич 1915, с. 148; см. по: 14, с. 138.]. К более поздним относятся толковые словари монгольских языков, которые трактуют их как частицы (см.: в монгольском языке — МРС 1957; МРС 1997; и др.; в калмыцком — КРС 1977; и др., в бурятском — БМРС 1951, 1957; и др.), грамматики же монгольских языков в большинстве своем относят эту группу единиц к наречиям образа действия [7, 8, 9, Грамматика калмыцкого языка (1940) и др.]. Что словари, что грамматики отображают, безусловно, точку зрения их авторов.

Так, в монгольском языке автор «Грамматики современного монгольского языка» (1951) Б. Х. Тодаева [8], также как и авторы «Грамматики современного монгольского языка» (1966) [9, с. 185; см. по: Рассадин, 2012], относят их к наречиям образа действия и полагает, что они «входят в состав сложных глаголов, как их неотделимая часть», при этом отмечает, что «они имеют самостоятельное значение, но употребляются часто в составе определенных глаголов, благодаря наличию в них этих наречий, тоже приобретающих значение действия определенного качества или степени». В качестве примера Б. Х. Тодаева приводит такие единицы, как *мулт* `совсем, совершенно`, *бут* `вдребезги, в прах`, *хамх* `вдребезги, совсем`, *хуга* `совсем, совершенно`, *суга* `совсем, совершенно` [8, с. 155].

Ц. Цэдэндамба в Монгольско-русском словаре (1997) определяет их как усиленные частицы при глаголах: например, *бут*: «БУТ 2 усил. частица при глаголах со значением *вдребезги, в прах, совсем, наголову; раз- и рас-*: *бут цохих/нирхэх`*

разгромить, разбить, `; *бут дэвсэх*, гишгэх `растоптать`; *бут нүдэх* `растолочь`» [12, с. 103].

Та же картина наблюдается и в калмыцком языке: автор грамматики калмыцкого языка Г. Д. Санжеев языковые единицы данного типа относит к наречиям образа действия, а авторы калмыцко-русского словаря (1977) — к частицам [см.: 15, с. 55].

В бурятском же языке по их поводу наблюдается еще большая пестрота во взглядах: данные языковые элементы причисляют (помимо упоминаемых частей речи) еще и к префиксам, префиксоидам.

Столкновение двух вариантов при решении вопроса о статусе данных языковых единиц предполагает рассмотрение данных взглядов по отдельности.

Рассмотрим *первую точку зрения*, в соответствии с которой языковые единицы необходимо отнести к препозитивной части слова, имеется в виду позиция перед корневой морфемой. Сторонники этой точки зрения называют их *превербами, превербами-словами, префиксами, префиксоидами, компонентами составного глагола*.

Как отмечает В. И. Рассадин, венгерский ученый Лайош Беше называл их *превербами* или *вербальными префиксами* и считал, что в монгольских языках они многочисленны. Л. Беше выявил в халха-монгольском 49 превербов, в старописьменном монгольском — 12, в бурятском языке — 64 [14, с. 139]. Между тем этот термин при применении к исследуемым языковым единицам не бесспорен, ведь согласно словарю лингвистических терминов *превербами* называют «префиксы, присоединяемые к глагольной основе для выражения различных лексико-грамматических и грамматических значений» [1, с. 344]. Большой энциклопедический словарь дает примерно такую же трактовку: «префикс, присоединяемый к глагольной основе, обозначается термином «преверб» [6, с. 59], при этом указывается, что *преверб* образуется «(от лат. *prae* — впереди и *verbum* — слово)» [6, с. 392].

В. И. Рассадин также использует термин *превербы*, добавляя компонент «слово», и подчеркивает, что это *слова — превербы* [14, с. 140], при этом именует их «так называемыми наречиями образа действия» и «своеобразными наречиями» [6, с. 138–139]. Отметим, в его работе (издание 2007 г.) параграф о превербах называется «Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии» [14, с. 137], в следующем же издании (2012) название изменилось — «О составных глаголах в монгольских и тюркских языках» [15, с. 54], что, безусловно, говорит о принципиальной позиции В. И. Рассадина, который полагает, что в северных монгольских, также как и в северных тюркских, языках широко употребляются «составные глаголы, первым компонентом которых выступают слова-превербы, общающиеся глаголу, выразителю основного действия, дополнительные семантические оттенки, связанные либо с направленностью действия, либо с обстоятельством, способом протекания действия» [14, с. 56].

В. И. Рассадин при этом отмечает, что превербы, «употребляясь с некоторыми глаголами, изменяют их значение, приближаясь в ряде случаев к функции русских глагольных приставок» [15, с. 54].

Эта же особенность подчеркивается Т. А. Бертагаевым, Ц.-Ж. Ц. Цыдыповым, В. М. Егудуровой, авторами Бурятско-русского словаря (2006, 2008) Л. Д. Шагдаровым, К. М. Черемисовым (в отдельных случаях). Например, в Бурятско-русском

словаре *биса* трактуется как «префиксоид со значением наречия, часто соответствует приставкам *раз-*, *рас-*, выражает законченность действия; *биса бариха* раздавить; *биса гэсихэхэ* растоптать; *биса сохихо* разбить, раздробить; *биса хаяха* бросить так, чтобы разбилось» [5, с. 129].

Т. А. Бертагаев, Ц. Ц. Цыдыпов при этом причисляют их к префиксоидам [2, с. 24–27; 17, с. 257], а В. М. Егодурова относит их к превербам, отождествляя их с префиксоидами, так как они являются «по происхождению частью глагольных основ» и употребляются «в качестве словообразовательного аффикса, меняя лексическое значение исходного глагола, с которым они выступают» [10, с. 35].

Если судить по приведенным примерам, то мы имеем дело со словообразованием, когда исследуемые элементы выполняют в качестве префиксов словообразовательную функцию. Например, *татаха* `тянуть` + *таһа* → *таһа татаха* `оторвать`; *будаха* `стрелять` + *соо* (у В. М. Егодуровой *суу*) → *соо будаха* `прострелить` [5, с. 181]; *сохихо* `бить` + *зада* → *зада сохихо* `избить`; *бажууха* `жать` + *биса* → *биса бажууха* `расплющить`.

В Бурятско-русском словаре *соо будаха* `прострелить` дается с комментарием «образует глаголы со значением насквозь, напролет; часто соответствует приставкам *про-*, *вы-*» [5, с. 181]. В этом случае точки зрения В. М. Егодуровой и составителей Бурятско-русского словаря объединяет одно мнение, что *соо-* является приставкой, то есть привлекаемый элемент является частью словообразовательной структуры слова. С другой стороны, данные переводы хочется все же уточнить. Например, *таһа татаха* не «оторвать», а «очень сильно тянуть»; *соо будаха* не «прострелить», а «стрелять насквозь».

Заметим, в данных примерах не наблюдается изменение семантики исходного глагола. Больше похоже на усиление значения исходного глагола: *зада сохихо* не «избить», а «очень сильно избить»; *биса бажууха* не «расплющить», а «сжать очень сильно». И при ближайшем рассмотрении семантики образовавшегося сочетания слов мы наблюдаем их расчлененность, которая указывает не на появление новой единицы, а на сочетание двух слов с расчлененной смысловой структурой. Вряд ли в данном случае мы наблюдаем рождение нового слова — глагола с новым значением, и данные языковые единицы выполняют функцию служебной морфемы.

Теперь обратимся ко *второй точке зрения*, в соответствии с которой препозитивные единицы рассматриваются как самостоятельные слова. Необходимо отметить, что в этой группе также не наблюдается четкой, однозначной позиции. По крайней мере, существующие мнения можно распределить как бы на две группы: в одной эти элементы относят к знаменательной части речи, в другой — к служебной части речи.

Выше мы отмечали, что в толковых словарях бурятского языка (1951, 1957) дается точка зрения, аналогичная другим толковым словарям монгольских языков: это *частицы*, т. е. словам данного типа приписывается служебная функция знаменательных частей речи, их относят к усилительным частицам.

Рассмотрим словарную статью *соо*: `СОО II усилительная частица при глаголах *насквозь*, *напролет*, часто соответствующая приставкам *про-* и *вы-*; *соо сохихо*, *соо хадхаха* пробивать, прорывать, продырявливать; *соо буудаха* простреливать; *соо хараха* видеть насквозь` [3, с. 405]. То же самое мы наблюдаем и с *хуха*. Вот так

выглядит словарная статья *хуха*: `ХУХА усилительная частица при глаголах: *хуха сохихо* перебить, переломать; *хуха бариха, хуха татаха* сломать, изломать; <...>` [3, с. 598].

В обновленном варианте Бурятско-русского словаря под редакцией Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова трактовка таких элементов остается только с отдельными новыми комментариями. Например, *зуб* из этой же группы языковых единиц в обоих словарях идет без пометы «усилительная частица»: `ЗУБ <...> 2. правильно, верно, справедливо; *зуб бэшээр* неверно, неправильно; *зуб даа* верно, конечно` [3, с. 281]. В Бурятско-русском словаре дается такая же трактовка *зуб*: `ЗУБ <...> 2. правильно, верно, справедливо`, только в начале словарной статьи указано, что при помощи *зуб* образуются сложные наречия типа *зуб ёһоор, зуб буруу, зуб талын, зуб ёһоной* и т. д. [4, с. 412].

В грамматике же бурятского языка указанные слова трактуются как наречия. Автор грамматики бурятского языка Г. Д. Санжеев относит их к структурно-семантической группе наречий образа действия, считая, что они употребляются с глаголами и в переводе отдельно не передаются: *хамха сохихо* `отломить`; *халба һурэхэ* `отскочить в сторону` *ходо харбаха* `прострелить`; *хаха сабишаха* `разрубать, рассекать`; *хаха татаха* `разорвать, разодрать`; *соо хадхаха* `проткнуть`; *нэбтэ орохо* `просочиться` и т. д. [7, с. 293].

При этом, как верно отмечает Г. Д. Санжеев, слова, приведенные в качестве примеров, «переводятся на русский язык лишь деепричастиями» [7, с. 169] и образованы от глаголов. Например, *соо* `насквозь` → *сооло-* `проколоть, продырявить` (в сонгольском диалекте — весь, полностью); *хаха* `разрывающая, раскалывающая` → *хахала-* `расколоть, разорвать, пахать`; *хуха* `ломающая поперек, отламывающая` → *хухала-* `сломать, отломить`; *хуга* `выдергивающая` → *хугала-* `выдернуть`; *бута* `вдребезги — о чем-либо таком, что может разлететься на части` → *бутала-* `раздробить`; *биза* `раздавливающая` → *бизала-* `раздавливать что-либо мягкое, например, вареное яйцо`; *биса* `раздавливающая` → *бисала-* `раздавливать что-либо, содержащее жидкость, например, сырое яйцо`; *лаб* `точно` → *лабла-* `уточнять`; *тоб* `четко` → *тобло-* `сделать четким`» [7, с. 169].

Теперь обратим внимание на очень важный момент. Языковые единицы сочетаются не только со словами глагольного, но и именного происхождения. Например, *тон хурдаар гүйнэ* `очень быстро бежит`, *аяар холо байна* `находится очень далеко`, *дан орой болошобо* `стало слишком поздно`, *тон багаар* `совсем мало` [7, с. 295]. *Тон зуб хэлэнэши* `очень правильно / верно говоришь`.

Заметим, что при интерпретации этих языковых единиц всеми авторами указывается черта, возможно, являющаяся одной из основополагающих, — выполняемая ими функция усилительности. Вспомним, что Г. Д. Санжеев относил их к наречиям образа действия — усилителям, так как в любом сочетании языковые единицы типа *-соо* служат показателями усиления или ослабления действия, качества или признака [7, с. 169]. Кстати, наречия-усилители выступают в самых различных сочетаниях с самыми разнообразными словами. Ч. С. Цыбенкова, определяя их как наречия-интенсификаторы, относит к экспрес-сивным средствам языка [16, с. 93].

Таким образом, исследуемую группу единиц можно смело отнести к разряду слов, основной функцией которых является указание на высокую степень проявления признака или действия.

Представляется, что описанная ситуация не является достаточным основанием для полного исключения всякой возможности считать их отдельным словом.

Между тем отмечаемая всеми исследователями прекозитивная глагольная позиция (и не всегда глагольная, см. выше), их функциональная значимость и отглагольное происхождение дают право именовать их превербами (см. работы В. И. Рассадина, Л. Беше). Ведь, как отмечает В. А. Панов, «превербы не обязательно являются приставками, например, в английском языке функцию превербов выполняют пространственные наречия, которые тоже никогда не занимают позицию перед глаголом» [13, с. 708].

При ближайшем рассмотрении данные элементы ведут себя как частицы наречного происхождения, как элементы, предшествующие глаголу, способные уточнять значение исходного глагола, усиливать его значение, придавать ему какой-либо эмоциональный оттенок. Справедливости ради необходимо отметить и наличие у этих элементов всех признаков наречия, ведь не зря термин *наречие* представляет собой кальку с греческого или с латинского языка *приглаголие*.

Таким образом, вопрос осознания статуса превербов, да и всех других вопросов, лежащих в этой области, далек от разрешения. Данная проблематика требует, безусловно, более полного освещения.

Необходимо решить вопросы уточнения свойств и объема понятия *прекозитивные глагольные языковые единицы*. Открытыми остаются вопросы основных принципов выделения и типологии превербов, установления их количественного состава, так как во всех работах, касающихся данной проблемы, привлекаются лишь наиболее типичные, частотные примеры. Безусловно, данная проблематика требует более полного освещения вопроса, начиная с исторического экскурса. Требуется описание семантики не только отдельных превербов, но и системы превербов бурятского языка, шире — всех монгольских языков.

Думается, что разрешение этого вопроса лежит не в формальной плоскости, а в области семантики.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: КомКнига, 2007. 576 с. Текст: непосредственный.
2. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. Москва: Наука, 1969. 183 с. Текст: непосредственный.
3. Бурят-монгольско-русский словарь / составитель К. М. Черемисов. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с. Текст: непосредственный.
4. Бурятско-русский словарь: в 2 томах. Т. 1. А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 636 с. Текст: непосредственный.
5. Бурятско-русский словарь: в 2 томах. Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с. Текст: непосредственный.
6. Большой энциклопедический словарь. Языковедение / главный редактор В. Н. Ярцева. Изд. 2. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 686 с. Текст: непосредственный.
7. Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с. Текст: непосредственный.

8. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. Москва, 1951. 138 с. Текст: непосредственный.
9. Лувсанвандан Ш. Грамматика современного монгольского языка = Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улан-Батор, 1966. 344 с. Текст: непосредственный.
10. Егодурова В. М. Бурятский глагол: учебное пособие для вузов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. 140 с. Текст: непосредственный.
11. Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / под редакцией Б. Д. Муниева. Москва: Русский язык, 1977. 760 с. Текст: непосредственный.
12. Монгольско-русский словарь = Монгол-орос толь / под редакцией Ц. Цыдын-дамбы. Улаанбаатор: ШУ Ухааны хэвлэлийн «Эрдэм» компани, 1997. 642 с. Текст: непосредственный.
13. Панов В. А. Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания // Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII, ч. 1. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2012. С. 707–734. Текст: непосредственный.
14. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 165 с. Текст: непосредственный.
15. Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 180 с. Текст: непосредственный.
16. Цыбенова Ч. С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 92–97. Текст: непосредственный.
17. Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 298 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

PREVERBAL VERBAL LINGUISTIC UNITS IN THE BURYAT LANGUAGE

Darima Sh. Kharanutova
Dr. Sci. (Philology), A/Prof.
dkharanutova@mail.ru

Ekaterina A. Bardamova
Dr. Sci. (Philology), A/Prof.
bardam_k@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article addresses the issue of so-called preverbs—preverbal verbal linguistic units—in Mongolic languages, particularly the Buryat language. This article does not aim to provide an exhaustive description of this rather contentious field. The main goal is to examine existing perspectives on the status of these elements in Mongolic languages, particularly in Buryat, a review of which reveals a lack of consensus on the issue. Researchers' views are divided into two groups. According to the first perspective, preverbs are considered parts of a word: prefixes, prefixoids, or components of compound Buryat verbs. The second viewpoint is represented by Buryat linguists who argue that these linguistic units should be classified as

independent parts of speech—adverbs or particles. The authors of this article support the view of researchers who classify this group of units as a category of words—intensifiers—whose primary function is to indicate a high degree of a feature or action. The authors also propose that the term *preverb* most accurately reflects the functional orientation of the analyzed elements, with their preverbal position playing an essential role. Overall, the authors believe that resolving the issue of preverbs lies not in the formal dimension but in the realm of semantics. *Keywords:* Buryat language, preverbal verbal linguistic units, preverbs, semantics, function of intensifying or diminishing an action, quality, or feature.

For citation

Kharañutova D. Sh., Bardamova E. A. Preverbal Verbal Linguistic Units in the Buryat Language. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2024; 4: 26–33 (in Russ.).

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.